
ПРЯДИЛЬЩИЦА
СНОВ
ЕЛЕНА ЭХОВА

Елена Эхова

Прядильщица снов

Серия «(Не)Тёмные сказки», книга 4

https://litres.ru/74714934
SelfPub; 2026

Аннотация

На опушке леса, где тропинки путаются в траве, живёт прядильщица снов — Забава. Прядёт она сны из нитей диковинных, что впитали в себя туманы утренние да лето жаркое. Приходят к её порогу те, чьи сердца охватил холод, а в душе поселилась тревога. Бережно плетёт Забава светлые сны, возвращая людям веру в чудо.

Содержание

Сон о забытом детстве	4
Когда тьма приносит подарки	10
Чай с наместником	14
Неразбериха	19
Сон о тишине	26
О солнце и луне	30
Сказка о холодном гвозде	33
Сон для создания тьмы	36
Нить, что связала двоих	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Елена Эхова
Прядильщица снов

Сон о забытом детстве

Тихо стлался вечер по сонному лесу, укрывая деревья светло-синей шалью из искрящихся снежинок. Тихо замер и ветер, словно знал: спугнёшь эту тишину, и рассыплется весь мир на холодные осколки. Тянуло из избы на краю леса теплом, да запахом душистым трав сушёных. Весело потрескивали в печи дрова; ласково пламя обнимало поленья, точно шептало их что-то тёплое, да давно забытое.

Изба у Забавы была маленькой, а умещалось в ней целое небо и земли людские. Тянулись по стенам полки с мотками нитей всех цветов и оттенков: от пепельного, что похож на туман утренний, до предрассветного розового, в котором жило само робкое, едва уловимое счастье, обещающее весну да жаркое лето впереди. Хранил каждый моток свой запах, свой тихий шёпот: старого льна, тягучего душистого мёда иль воска.

Сидела Забава у окна, склонившись над веретеном. Пальцы её привычно тянули тонкую нить, будто и не пряли вовсе, а осторожно выводили узор прямо по воздуху. Доделывала она сон для деревенской женщины. О тёплой печке, румяном

хлебе, о кошке, мурлычущей на лавке. Не спасёт такой сон от житейских бурь, не прогонит грозы, да только напомнит, что есть в жизни тихие мгновения и радости.

В окно заглянула тьма, да пришла не как беда, а как пушистая чёрная кошка, в шерсти которой запутались сверкающие снежинки. Моргнула она, мягко ступила в избу, оставив на полу лёгкий след из сумерек. Устроилась у печи, сладко потянулась, зевнула. И в горнице сразу потемнело, точно сама ночь присела рядом послушать, как шепчет огонь в печи. Веяло от тьмы ночной прохладой, чистой да свежей, как от воды родниковой в тени деревьев.

— Опять ты тут, — сказала Забава, не поднимая глаз. — И зачем?

В дверь едва слышно постучали, и так робко, как будто стучавший стыдился потревожить тишину ночи и леса. Прислушалась Забава, повторился стук.

— Входи, — молвила она, откладывая веретено.

Стоял на пороге старый охотник. Потемнела одежда его из грубого холста от дождей, запутались в бороде хвоинки, выцвели глаза, напоминая серое небо после дождей долгих. Встреть его в лесу, и не отличишь от лешего.

— Прости, что тревожу, — промолвил он, стоя в пороге и комкая в руках снятую шапку. — Слышал, ты людям сны прядёшь…

Кивнула Забава пригласила сесть на лавку у печи. Огляделся охотник, скинул валенки, снял тулуп, вошёл и сел, по-

ложив ладони на колени, не зная, куда деть руки. Казались они ему вдруг слишком большими, слишком неловкими для этой маленькой, тёплой избы.

— Не богатства прошу, — тихо проговорил он, глядя в тёмный угол. — Не здоровья. Сердце у меня стало тихим и пустым. А раньше оно пело запахом да памятью из детства. Забыл я детство. Совсем. И холодно мне без него.

Выслушала его Забава, не перебивая.

— Помогу, — сказала она, легко поднимаясь к полке с травами. — Да не силой, а заботой тихой. Тут волшебство не словом и не заклятьем творится, а нитью, в которую запахи и память вплетаются. Она и вернёт тебе забытое счастье — потихоньку, помаленьку, чтоб не спугнуть.

Поставила Забава на печь чугунок, бросила туда душицу да мяту. Зашептала, забурлила вода, и поплыл по избе аромат, от которого хотелось закрыть глаза и вспомнить жаркое лето, когда даже воздух казался сладким.

— Пей, — сказала Забава, протягивая кружку.

Взял охотник её обеими руками, вдохнул пар да сделал глоток. И растеклось тепло по груди медленно, прогоняя ту самую пустоту, о которой говорил он.

Подошла Забава к полкам и выбрала нити, прятавшиеся в полумраке: прозрачные, точно сотканные из тумана. Пахла одна росой утренней, другая — травой на сенокосе, третья — едва уловимой ноткой лесного мёда, земляники да жаркого солнца.

Поднялась тьма, неспешно подошла к охотнику и легла у его ног. Пахло от неё теперь лесом после грозы: мокрой корой, свежей хвоей и влажной землёй. Опустил охотник ладонь ей на голову, почувствовал мягкую шерсть и вдруг понял, что дышать стало легче.

— Теперь закрой глаза, — промолвила Забава. — Да не пытайся вспоминать. Пусть воспоминания сами тебя найдут, как тропинки в лесу. Не ты их ищешь, а они зовут тебя.

Послушался охотник. Опустились плечи его, успокоилось дыхание. Разомлел он в тепле избы, в запахе трав, в тепле кошачьего тела у ног.

Взяла Забава веретено и нити да повела охотника по сну его.

И почувствовал он запах свежескошенной травы и разогретой солнцем земли. Снова был он мальчишкой, бежавшим по полю и не думавшим ни о чём, кроме того, что далеко впереди встречалась земля с небом. Щекотала трава босые ноги, походило на гладь пруда небо синее, манило окунуться.

Почуялся потом запах испечённого хлеба. Горячего, с хрустящей корочкой. Пах он домом, уютом, маминым руками, которые всегда были ласковыми.

Вспомнилось ему лето жаркое. Высоко по небу катилось солнце, дрожал над поляной горячий воздух. Звенело всё от жары, от стрекота кузнечиков, от ветра в траве. Плыл среди зноя густой, медовый запах земляники, нагретой солн-

цем. Висели ягоды, едва касаясь земли, и пахли так сильно, что запах сам входил в грудь. Собирал он их дрожащими от нетерпения пальцами.

Пришёл вместе с земляникой запах живых, горячих от солнца трав: полыни, ромашки, клевера, тимофеевки. Слились они в один пряный дух, от которого кружилась голова и хотелось лечь в траву, раскинуть руки и смотреть в небо, пока глаза не устанут.

Отозвалось на этот запах сердце охотника. Дышал он сном этим, позволяя воспоминаниям обнять себя. Разглаживалось с каждым вдохом его морщинистое лицо, и проступал в нём тот самый непоседливый мальчишка, который когда-то знал, что мир добрый.

Пришло время возвращаться. Медленно оборвала Забава нить, аккуратно распутывая самый тонкий узор.

Открыл охотник глаза. Сперва не понял ничего, потом огляделся. Печь, полки с мотками, большая чёрная кошка, смотревшая терпеливо и чуть лукаво. Улыбнулся он, как улыбаются люди, только что проснувшиеся после сна хорошего и не желающие терять его.

— Вспомнил я, — промолвил он тихо, боясь спугнуть воспоминания, навеянные сном. — То лето, запах земляники, нагретой солнцем. И травы… как они пахли, когда всё вокруг звенело от жары. И как мне спокойно было.

Поднялся он с лавки, собрался с мыслями, поблагодарил Забаву. Бросил взгляд на тьму, лениво потягивавшуюся у пе-

чи, оделся и вышел за дверь.

Подошла к окну Забава и смотрела ему вслед, пока силуэт не исчез среди деревьев. Не вернёт этот сон ему годы, не сделает моложе, да только придаст сил и согреет студёной зимой.

Вернувшись к веретену, аккуратно она смотала остатки нити и погасила свечу. Остался в избе только мягкий свет луны, струившийся сквозь занавески, да тишина, нарушаемая одним треском поленьев. Спал вокруг лег, укрытый пуховым снежным одеялом.

Тихонько замурлыкала тьма, подошла к Забаве и потерлась мягкой головой о её колено, одобряя выбор нитей для этого сна. Коснулась Забава прохладного чёрного меха и улыбнулась.

Когда тьма приносит подарки

Ныне утро в избе Забавы пахло мёдом и парным молоком — да так сладко, что, казалось, сама зима припрятала в снегах кусочек жаркого лета. Дремало солнце до весны в чертоге тьмы, а в горнице хватало света. Прыгали по половицам да по стенам солнечные зайчики, словно озорные котята, золотили мотки с нитями на полках. Тихо кружились пылинки в воздухе. Знала Забава, что это маленькие домашние духи, и шепнула им ласково:

— Доброе утро, помощники. Хороший нынче день будет.

Встала Забава, потянулась, и утро, мягкое, как пуховый платок, укутало ей плечи. Взяла она дубовый гребень да неторопливо расчесала волосы, сбрасывая все ночные тревоги. Пусть останутся до поры в стороне, а после выметет она их прочь из избы вместе с сором. Подошла Забава к печи, погладила тёплую боковину:

— Доброе утро, родная, будем согревать нынче уснувший лес?

Отозвалась печь тихим потрескиванием. Поставила Забава на огонь чайник, и запел он свою привычную песню, выпуская пар из носика. Покуда грелась вода, поправила Забава скатерть, провела рукой по полкам, поздоровалась с каждым мотком. Тихонько шуршал в углу лоскутный коврик, лежала на подоконнике еловая веточка. Тронула её Забава, вдохну-

ла тонкий, смолистый запах и улыбнулась.

Дожидалась на столе её любимая глиняная чашка с узором. Привычно поставила Забава рядом чайник, заварила чай из малиновых веточек. Висел на крючке у двери её шерстяной платок. Любила Забава накидывать его на плечи, когда выходила на крыльцо. Пах он уютом да спокойствием, хранились в нём тихие радости земель людских.

Вдруг дрогнул тихонько воздух, и из тени в углу выплыла тьма. Не шла она, а стекалась по полу, подобно густой бархатной ночи, и постепенно превращалась в большую пушистую кошку. Громким и тёплым было её мурчание, что даже мороз за окнами отступил на шаг, побоявшись мешать этому уюту. Держала в зубах тьма нитку с нанизанными на неё жемчужинами.

Положила она нитку у ног Забавы, посмотрела бездонными глазами и сказала:

— Смотри, что нашла.

— Опять ты чудеса собираешь, — рассмеялась Забава. — Ну-ка, покажи.

Улеглась тьма у печки, замурлыкала чуть тише, чтобы не спугнуть хрупкие сны. Присела Забава, осторожно коснулась нитки с жемчужинами. Тёплыми они были, точно согревшимися от чьей-то подушки. Взяла она в руки нитку, пристально всмотрелась в жемчужины, и увидела в первой сон о рыбке из сахара. Плавала рыбка в озере, прозрачном, как хрусталь, переливалась её чешуя, как леденцы на ярмарке. Си-

дел на берегу озера мальчишка и улыбался. Сияла рыбка точно солнце летом.

Во второй жемчужине светилось изумрудное сияние, и увидела Забава говорящего зайца в пояске. Расхаживал заяц по заснеженной лужайке, поправлял поясок и важно рассказывал, как правильно есть морковку, чтобы стать самым храбрым зайцем в лесу.

В третьей жемчужине увидела Забава лес, где росли на деревьях пряники. Ходила между деревьями девчушка, пробовала пряничные листочки и радовалась: сладким да вкусным был лес, даже в зимнюю пору.

Потеплело сердце Забавы. Донести нужно было бережно эти сны детские, не расплескать по дороге ни капли их света.

Взяла она веретено, достала с верхней полки тончайшие серебряные нити — такие тонкие, что почти не видно было их, только чуть искрились, как будто запутались в них осколки лунного света. Принялась Забава плести путеводные нити. Были это добрые тропинки, по которым сны смогут долететь до детских подушек. Работала она привычно да ловко: нить за нитью ложились в узор, словно сам знал, как плестись.

Пока плела Забава, в углу тихонько щёлкнула половица, заскреблась мышка-норушка. Чуть качнулся на полке горшочек с засушенным липовым цветом. Собирала Забава его летом, высушивала да добавляла зимой в чай, когда хотелось вспомнить тёплые дни. А на подоконнике, рядом с еловой

веточкой, лежал маленький камешек в форме сердечка. Его принёс ей мальчик из деревни, когда сплела она ему сон про коня летающего. Улыбнулась Забава, глядя на него, и пальцы сами стали плести чуть быстрее.

Когда готова была сеть, подошла Забава к двери, накинула платок, распахнула дверь. Ворвался в избу колючий морозный воздух, свежий и пахнущий хвоей, обнял её, в желании рассказать какую-то лесную тайну. Кинула Забава сеть с вплетёнными жемчужинами, подхватил её ветер, закружил, унёс к детским подушкам, чтобы сны легли на них мягко.

Подошла тьма к двери, посмотрела вслед улетающей сети с детскими снами. Стояла Забава на крыльце и чувствовала, как нити летят по лесу, над заснеженными полями, как пробираются в избы, как тихо ложатся на подушки.

Легла на лавку возле печи довольная тьма и тут же уснула, убаюканная ласковым теплом. Вновь стало тихо в избе. Почесала Забава тьму за ухом да принялась хлопотать по дому.

Свежим был воздух, слышался в нём тихий хруст снега да чирикание воробьёв. Плыли по небу облака, начинался день новый, пусть пока и спит до весны солнце.

Чай с наместником

Ветер за окном выл так, словно хотел выдуть из леса весь снег, вымести до последней снежинки, обнажить землю до самой стылой кости. А в избе Забавы было тепло и уютно: весело трещал огонь в печи, отбрасывал на стены тёплые блики, и ни один сквозняк не мог пробраться через толстые брёвна.

В дверь уверенно постучали. Забава улыбнулась; она знала этот стук, столько раз слышала она его в шуме метели, что и не сосчитать.

— Входи, — пригласила она гостя.

Дверь открылась, и на пороге появился Кощей. В длинном чёрном кафтане, с бледным лицом и взглядом, в котором застыло всё прожитое время. Осанка у него была уверенная, властная, но Забава заметила, как тяжело было ему держать эту прямоту, ибо скрывался за его статью груз тяжкий, такой, что и плечи бы опустились, да гордость не велела.

Держал он в руках свёрток из грубой кожи. Протянул его, не заходя дальше порога, точно разрешения спрашивал, точно боялся нарушить покой этой избы.

Молвила Забава:

— Проходи, не стой в пороге. Тут ветер не властен.

Прошёл Кощей внутрь, и дверь закрылась за ним с тихим стуком, отрезая шум ветра и стылую зиму. Положил он

свёрток на стол. Забава неторопливо развязала шнур. Лежали внутри горные травы — редкие, с холодным синим мерцанием, точно застыл в них свет далёких звёзд-гвоздей, что удерживают небо над землёй.

— Спасибо, — молвила Забава. — Сейчас чай заварю.

Взяла она медный чайник, плеснула воды свежей и чистой, будто из лесного ключа, да поставила на печь. Пока грелась вода, достала глиняную банку с сушёной малиной, щепотку мяты. Поплыл по избе аромат сладкий да свежий, тёплый да родной, такой, что даже сердце чуть оттаивало.

— Говорят, тьма у тебя нынче зимой ютится, — сказал Кощей, глядя на огонь в печи. — Вчера пыталась утащить мой плащ да поиграть с ним, точно кошка проказливая.

— Сказала она, что ты слишком серьёзный стал, и хочется ей, чтобы ты хоть иногда улыбался, — ответила тихо Забава.

— Улыбаться для меня — это роскошь, — сказал Кощей, но уголок его губ всё-таки дрогнул в улыбке.

Говорили они о пустяках: о ветре, что скрипит в ветвях, о скрипучих половицах, о том, что зима в этом году злее обычного, точно хочет доказать, что она тут главная. И пока они болтали о малом, Кощей понемногу опускал невидимые щиты. Снял тяжёлый кафтан, аккуратно положил на лавку, боясь потревожить покой и тишину в избе. Сел за простой деревянный стол, обхватил ладонями кружку, которую Забава перед ним поставила, и прикрыл глаза, вдыхая пар, точно хотел удержать этот запах малины и мяты внутри.

Успокаивали и убаюкивали тепло кружки, запах трав да треск дров. Замедлилось время, стало густым, как кисель, как мёд в январский мороз, когда ложка едва движется. Всё лишнее осталось за стенами, а здесь только тепло, аромат чая и тихий голос огня.

Когда кружка наполовину опустела, Кощей открыл глаза. Видела в них Забава усталость,что копится годами, что въедается в кости и шепчет: «Ты должен держать всё».

— Мой разум никогда не молчит, — сказал он, глядя куда-то сквозь стену, точно видел не избу, а весь мир сразу. — Слышу я каждое существо, что ходит по этим землям, чувствую каждую ошибку богов, а теперь и тьма решила превратиться в кошку.

Помолчал он, словно сам удивился, что молвил это вслух.

— Мне не нужны великие сны. Не нужны видения прошлого или обещания будущего. Мне нужна тишина, спокойствие и отдых.

Забава задумалась. Плести тишину и правда сложнее, чем плести чудеса: чудо можно сделать ярким, звонким да заметным, а тишина… Она тонкая, как паутинка, и если потянешь чуть сильнее, то в миг разорвётся.

Подошла к полке и достала моток серых нитей, почти прозрачных, как утренний туман над рекой, что искрится в тёплых лучах солнца. И начала плести. Не узор, не сказку, а ровное, тонкое полотно, что ложится мягко, как тёплое одеяло, как пуховый платок, которым укрывают ребёнка, чтобы сни-

лись ему только добрые сны.

Кощей сидел, держа кружку, и плечи его понемногу опускались. Закрылись глаза. Медленно клонилась голова и легла на сложенные руки. Стало дыхание его глубоким и ровным.

Впервые за много зим спал он спокойно и без сновидений.

Стояла и смотрела на него Забава. Не был он сейчас наместником богов светлых и тьмы, не был хранителем границ и судьёй дорог; а был уставшим человеком, который исправно несёт свою тяжёлую ношу.

Спрыгнула с печи кошка-тьма, подошла и легла у его ног, охраняя сон. Стало в избе снова тихо, и слышно было, как трещат в печи дрова, как рассыпается серым пеплом уголёк да как дом дышит.

Взяла Забава свой платок и бережно накинула на плечи Кощея, точно хотела укрыть его от всех ветров, что ждут за дверью. Взяла нитки с полки и взялась плести сны для зверей лесных, что спали всю зиму сном глубоким, — о весне и солнце, о лете жарком, о траве, что щекочет лапы, и о небе, что зовёт лететь выше.

Проснулся Кощей, поднял медленно голову. Спокойными были его глаза, исчезла тревога да настороженность.

Поблагодарил он Забаву, встал, привычно расправил плечи, вернул себе осанку прежнюю, но не было в ней теперь столько тяжести. Оставил на столе пустую кружку, из которой ещё тянулся лёгкий аромат малины и мяты, надел кафтан.

— До встречи, Забава, — промолвил он и вышел за дверь.

Проводила она его взглядом и заметила, как на мгновение он обернулся, посмотрел на избу, а потом растворился в ночной мгле, точно стал её частью.

Вернувшись к веретену, Забава улыбнулась. Завтра Кощей снова станет строгим наместником, снова будет держать правду на плечах. Погладив кошку-тьму, которая уютно устроилась рядом на лавке, Забава начала плести новый узор из чистой, прозрачной нити. Пусть сны людей да зверей лесных будут лёгкими и светлыми, пусть в них не будет тяжести, а будут тепло и надежда.

Неразбериха

Держала зима деревню в своих снежных объятиях, спало солнце в чертогах тьмы, и не было ему дела до тревог людских. Стояла густая, осязаемая темнота, разбавленная одной бледной луной да звёздами, что висели в небе, точно мелкие гвоздики, вбитые в чёрное полотно. Поддерживали они свод небесный, чтобы не упал он на твердь земную. Сказывали так в старину, шептали так в долгие зимние вечера у печи.

Щипал мороз щёки, въедался под кожу, забирался в рукава, оседал инеем на ресницах, превращался в короткое белое облачко каждый выдох, таял потом в колючем воздухе, будто и не было его вовсе. Лежал снег плотным, тяжёлым одеялом. И даже тропинки, обычно протоптанные до самой земли, казались чужими, точно перепутал их кто-то, нарочно сдвинул с места, подменил, чтобы сбить с дороги всякого, кто посмеет выйти в эту ночь.

Поскрипывал наст, трещали от холода брёвна изб, висел над всем этим самый навязчивый аромат. Сладковатый, густой, будто сахар жжёный смешали с мёдом и разлили по всей деревне. Не растворялся он в холоде, а цеплялся за всё подряд, перебивая запах дыма печного, старой соломы да свежего снега, желая вытеснить из деревни саму память о привычной жизни.

Вышла Забава на крыльцо, плотнее запахнула тулуп и за-

мерла, вглядываясь в ночь. Выглядела деревня чуждой, подменённой, словно кто-то взял и перевернул её вверх дном, пока все спали.

У кузницы, где обычно пахло углём и раскалённым железом, сейчас творилось что-то чудное. Стоял у кормушки суровый кузнец Борька и протягивал козе хворостину.

— Ну поешь, хорошая, поешь, — бормотал он, точно уговаривал капризного ребёнка. — Вкусно… ну точно вкусно.

Коза косилась на хворост с недоверием, мотала головой и отступала, чувствуя неладное. Рядом бабка Луша, травница, чьи руки привыкли к тонким стеблям и хрупким корешкам, сейчас пыталась ухватить клещами раскалённый прут. Дрожали у неё руки, скользили клещи, и она ругалась себе под нос грубоватым голосом, похожим на голос кузнеца.

— Да чтоб тебя… — ворчала она, снова промахиваясь. — Ну дай же схватиться…

Чуть дальше, у колодца, мальчишка Ванька старательно насыпал снег в корыто с водой, собираясь напоить лошадь чем-то особенным.

— Пей, пей, — приговаривал он. — Снег, он изнутри греет!

А старуха Марфа, которая обычно сидела дома и пряла, стояла сейчас посреди улицы, размахивала руками и пыталась поймать снежинки, желая нанизать их на нитку.

— Сейчас, сейчас, одну только поймаю… — бормотала она, подпрыгивая и вытягивая пальцы к небу. — Вот эта,

самая яркая… она мне для пояса нужна…

Неподалёку пекарь Тихон месил густое и серое тесто, с усилием вдавливая кулаки. Пригляделась Забава: не тесто это было, а глина, которую накануне он привёз для починки печи.

— Крепкое будет, — бормотал Тихон, вытирая рукавом лоб. — Ни ветер, ни дождь не возьмут!

Ещё дальше, у покосившегося плетня, сидел на чурбаке пастух Игнат, держа в руках потрёпанную книжку вверх ногами — ту самую, что когда-то привёз заезжий коробейник. Водил он пальцем по строчкам, хмурясь, пытался прочесть не буквы, а саму судьбу.

— Тут написано… тут написано… — шептал он. — «И взошло солнце над полями… или под полями…» Нет, не так… поля должны быть внизу… солнце не может быть под полями…

Переворачивал он книжку то так, то эдак, надеялся, что буквы сами встанут на место, если только постараться.

Постояла Забава, вглядываясь в эту неразбериху, и тихо окликнула:

— Борька.

Поднял кузнец голову.

— А? Чего? Да вот, козу кормлю… она, бедная, проголодалась… — он запнулся, посмотрел на козу, потом на хворостину да на свои руки. — Это… это я чего делаю?

Не успела Забава ответить, как над заснеженным двором

вспыхнуло сияние — резкое да неуместное среди темноты зимней. Шагнул из света вестник — младший из богов добрых. Улыбался он широко да радостно, точно только что подарил деревне самое ценное, что у него было.

— Великий дар! — провозгласил он, раскинув руки. — Боги проявили милость и подарили вам сон счастья минувшей ночью!

Забава подышала на озябшие руки, и пар от дыхания растаял в морозном воздухе.

— И поэтому Борька кормит козу хворостом, бабка Луша пытается ковать железо, Ванька сыплет снег в воду, Марфа ловит снежинки, пекарь месит глину, а пастух читает книгу вверх ногами? — спросила она спокойно, без гнева, но так строго, что даже звёзды чуть потускнели.

Отшатнулся вестник, точно не понял вопроса.

— Это лишь незначительный побочный эффект сна счастья! — бодро ответил он, но голос его дрогнул, выдав неуверенность.

— От сна у людей в голове всё помутилось, — вновь строго сказала Забава. — Не счастье это, а узел. И чем туже он затягивается, тем труднее будет развязывать его.

Нахмурился вестник от непонимания, впервые увидел не радость, а тень её.

— Хотели как лучше.

— А вышло так, что вся деревня чудить начала, и мыши на кошек охотятся, — не смягчая слов, промолвила Забава.

Вернулась она в избу, достала с полок ниток разных — да не золотых, не сверкающих, а серых, чуть грубоватых, сплетённых из будничных дней, из простых, незаметных радостей и тихих забот. Села у печи и начала плести.

Не делала Забава узоров, не тянула витиеватых дорожек. Вплетала она в нити воспоминания, запахи, звуки да ощущения. Скрип снега под чьими-то шагами, далёкий лай собаки, тихий шёпот ветра в соломенной крыше. Запах угля и железа, запах сухих трав, горьковатый и землистый. Ощущение шершавой коры, холодного железа, тёплого хлеба в ладонях.

Плела она, и пальцы её двигались быстро да уверенно, точно знали дорогу лучше глаз. Иногда останавливалась она, прислушивалась к тишине, чтобы уловить тот самый звук, который был нужен, и тут же вплетала его в полотно. Чувствовала она, как полотно то становится тяжелее, наполняясь чужими воспоминаниями, и в то же время теплее.

Когда стало полотно достаточно большим, вышла Забава на улицу. Мороз тут же уколол лицо, но не заметила она его. Подбросила она полотно вверх, подул ветер, подхватил его и понёс к избам людей, расстилал над деревней невидимый, но прочный покров.

Таял сладкий сон богов добрых, уносил его с собой ветер, и вместе с ним исчезал густой аромат жжёного сахара, как будто его никогда и не было.

Стоял вестник уже не радостный, смотрел, как люди становятся самими собой.

— Хотели мы осчастливить людей, да не подумали о последствиях, — тихо промолвил он, и голос его звучал теперь не как громкая весть.

— Да, — мягко ответила Забава, не упрекая, но и не прощая легко.

— Наверное… Наверное, поторопились мы… — посмотрел он на деревню, на людей, которые вновь стали самими собой, и мелькнула в глазах его тихая грусть. — Не будем мы больше так делать. Пока не попросят нас.

Взмахнул он руками и исчез в свете ярком, оставив после себя лишь едва уловимый аромат жжёного сахара — последнее напоминание о том, как легко перепутать счастье с дурманным сном.

Посерело небо, поблекли звёзды, и деревня, стряхнув с плеч тяжёлый сон, принялась за привычные дела.

Пришёл кузнец к дому Марфы, починил её забор, который вот-вот рухнет под тяжестью снега.

— Спасибо, Борька… спасибо… — шептала Марфа.

Растопил пекарь печь, замесил настоящее тесто. Напёк хлеба да разнёс по всем избам. Выходили люди, брали каравай, прижимали к груди.

А по деревне, проверяя, всё ли в порядке, ходила в образе кошки тьма. Обходила она углы, нюхала воздух, водила усами, ища малейший след чужого волшебства. И не находила.

Стояла Забава на крыльце и смотрела на деревню. Витал ещё в воздухе едва заметный след жжёного сахара, но он уже

не владел сердцами людей. Подошла тьма к Забаве, ткнулась ей в ногу, тёплая и надёжная, как старый друг.

Улыбнулась Забава, наклонилась, погладила большую кошку, и шерсть её была мягкой, как первый снег, который ложится на землю, не тревожа.

Вернулась Забава в избу, заварила чай с чабрецом. Жила за окном деревня своей привычной жизнью. Улеглась тьма на печи да замурлыкала.

Сон о тишине

Накрыла зима деревню пушистым одеялом. Солнце зимой в людских землях спит в чертоге у тьмы, и оттого темно до самой весны. Затаил мир дыхание и ждёт, когда придёт пора проснуться. Тихо стекал с крыш лунный свет, струился по брёвнам, прятал дворы в мягкую тень, укрывал их вторым, серебряным покровом. Неподвижно стоял холодный воздух. Не был он сейчас злым или колючим, а ждал терпеливо, когда впустят его в избу, согреют и оставят у печки, как дорогого гостя.

В избе у Забавы было тихо, да не просто тихо, а так, что слышно было, как в печной золе тихонько шевельнётся уголёк. Тишина лежала, как тёплый слой золы в печи; не мёртвая, а живая, согретая дыханием дома. В горнице мерно постукивало веретено, отсчитывая мгновения, чтобы они не убегали, не терялись в суете, а складывались в ровную, прочную нить. Сидела Забава у окна, не глядя наружу, а слушая, как день потихоньку затихает, как снимает он с себя шум и отдаёт его ночи. Пальцы её перебирали серую пряжу — шершавую и чуть тёплую. От тяжести нити в ладони на душе становилось спокойно.

Вытянулась кошка-тьма на сундуке, не шевелилась, а только изредка моргала.

Скрипнула тихонько дверь. Как будто сама изба впустила

гостя. Не подняла головы Забава, почувствовала она гостя раньше звука, раньше холода с улицы. Стоял на пороге светлый бог веселья. Только нынче от веселья в нём ничего не осталось. Казались чужими в этой избе его одежды яркие да солнечные блики в растрёпанных волосах.

— Не могу я больше, — выдохнул он. — Пыткой стал смех, ударом стал каждый звон да шёпот. Должен быть я громче всех да ярче всех… А я устал.

Зашёл внутрь, и вместе с ним в избу ворвался отголосок пиров. Точно стая птиц влетела в маленькую горницу и металась, не зная, куда сесть. Положила Забава веретено на лавку и посмотрела на бога внимательно.

— Для того, кто состоит из шума, тишина — это трудность.

Опустил бог голову. Солнечные блики в волосах его померкли.

— Хочу немного тишины, — промолвил он.

Помолчала Забава, прислушиваясь к тишине, проверяя, готова ли она принять эту просьбу.

— Хорошо. Но к ней нужно подходить осторожно. Она не пустота, она зеркало.

Поставила Забава чайник на угли, чтобы вода грелась почти незаметно. Потом сказала тихо:

— Тьма, не шевелись. Не мурчи.

Будто в камень превратилась кошка-тьма, только глаза цвета ночи внимательно следили за Забавой и светлым бо-

гом.

Достала Забава ромашку сушёную, кинула её в кружку, залила кипятком.

— Выпей, — поставила она на стол ромашковый чай. — Это поможет тебе успокоиться.

Взял бог кружку дрожащими пальцами, посмотрел на светлый чай, пахнущий летом, увидал в отражении свою усталость. Отпил не спеша. Зажмурил глаза, опустились чуть его плечи.

Взяла Забава с полки моток нитей. Прозрачных, холодных, точно сплетённых из лунного света и дыхания ветра. Села она напротив бога и начала плести. Медленно двигались её пальцы, выплетая узор.

Сидел бог с закрытыми глазами. Видела Забава, как разглаживается его лоб, как уходит напряжение из плеч. Поблекли яркие его одежды, растворились в полумраке.

Плотной и тёплой стала тишина.

Опустились плечи бога. Глубоко выдохнул он, и на лице его увидела Забава покой.

Незметно прошло время. Тихо оборвала Забава нить, и тишина чуть рассеялась, уступая место привычным звукам.

Открыл бог глаза, стряхнул с рук остатки золотой пыли.

— Спасибо тебе, — сказал он. — Если тишина станет слишком тяжёлой, зови меня.

Вышел бог в ночь, оглянулся на избу Забавы и исчез в сиянии светлом.

Фыркнула кошка-тьма, шумно прыгнула на лавку, требуя внимания. Улыбнулась Забава, погладила её по густой шерсти.

Тихо падал за окном снег. Кружились снежинки, подхваченный лёгким ветерком. Слушала Забава, как снег ложится на землю, укрывая деревню мягким покрывалом и убаюкивая. Снова взяла она веретено. Зажужжало оно тихо да ровно. Замурлыкала кошка-тьма.

О солнце и луне

Лежала на землях людских зима. Тяжёлым, глубоким снегом укрыла землю, словно накинула старинное покрывало, расшитое серебряными нитями. Синие сумерки стелились над лесом, звёзды-гвозди крепко держали небо, не давая упасть.

В своих, далёких чертогах светлые боги не находили себе места. Тосковали они по золотому свету, и тоска их долетала до людских земель золотистым мерцанием в облаках. Голоса их, подобные раскатам далёкого грома, порой тревожили тишину, да только не могли прогнать холод. А морозная тишина, знай себе, лежала на ветвях, тяжёлая и мягкая.

Властвовала тьма в зимнем небе, и луна её серебристым фонарём светила над людскими землями. Любила тьма этот покой, знала каждый вздох леса, каждый шорох инея. Видела она, как измучены боги разлукой с солнцем.

Подошла как-то кошка-тьма к Забаве неслышно. А Забава в тот миг распутывала узелок сновидений, развязывала перепутанную сказку, чтобы потекла она, как весенний ручей по талому снегу.

— Сплети им утешение, прядильщица, — прошептала кошка-тьма, коснувшись мягкой лапой её руки. — Забыли боги, как выглядит мир, когда свет и тень друг к другу в гости ходят. Пошли им сон, что вернёт веру в тепло.

Вздохнула Забава, и лёгким ветром пронёсся тот вздох по заснеженным полям, не тревожа покоя. Знала она, что отправить сон в далёкие чертоги — дело тонкое, сродни тому, как вдеть тончайшую нить в едва видимое ушко иглы. Да только сердце её было верным, а руки — умелыми.

Достала Забава нити, да не простые, а волшебные. Вытянула золотую — приглушённую, как свет заходящего зимнего солнца, пахнущую сухими дровами и старым мёдом. Добавила серебряную — холодную и чистую, как первый иней на стекле, звенящую тишиной морозного утра. Приложила белую — цвета чистого, пушистого снега, что станет мостом между днём и ночью.

Запело веретено свою тихую песню, нежную да убаюкивающую, точно само время напевало колыбельную для уставших богов. Закрыла Забава глаза, направила нити вверх, туда, где за пеленой облаков прятались величественные чертоги. Представляла она, как в самой глубине чертога тьмы медленно открывает глаза солнце да тянется к луне.

Достиг сон богов, и воцарилась тишина да спокойствие в чертогах светлых. Развернулось перед богами видение: зимнее небо перестало быть холодным. Проступало из объятий тьмы золотое сияние, и солнце, ещё сонное и мягкое, медленно поднималось навстречу луне.

Встретились они в зените как два старых друга. Слились золото и серебро в одном свете. Но не слепил он, а обволакивал, тёплым шерстяным платком, связанным заботливы-

ми руками. Замерли светлые боги в своих чертогах. Смолкли их споры, почувствовали боги, что хоть солнце и спит, но всё ещё с ними. Не исчезло тепло навсегда, ждёт оно своего мига.

Обрезала Забава нить. Успокоился зимний лес вокруг избы, и ветер сел на ветку послушать, как трещит мороз да шепчет старая ель свои вечные сказки. Сказывали в деревнях, что ель помнит все зимы, что были до этой, и все, что будут после. Смотала Забава остатки серебристой нити, отложила веретено. Подошла она к окну, прижалась лбом к холодному стеклу, посмотрела на заснеженные верхушки елей.

Прыгнула кошка-тьма на лавку, хвост её мерно покачивался, как маятник часов, отсчитывающих мгновения покоя.

Мигнула одна из звёзд-гвоздей на небе, как будто подмигнула Забаве. Был это знак, что сон был увиден. Прошла Забава к печи, подбросила в огонь несколько берёзовых поленьев. Трещал огонь, наполняя комнату живым теплом, и поплыл в воздухе запах сухих трав и старого дерева. Знала Забава, что завтра к её порогу снова придёт кто-то. Села она на лавку, накрыла ноги шерстяным платком. Спрыгнула кошка-тьма на пол, с тихим мурлыканьем устроилась у её ног.

Падал снаружи снег, медленно и равнодушно засыпая все тропинки, жило внутри избы тепло. Закрыла Забава глаза, слушая сердце зимнего леса. Перевернулась кошка-тьма на другой бок, вытянула одну когтистую лапку да замурлыкала громче.

Сказка о холодном гвозде

Студёной зимой укрыл лес снег плотным белым ковром, как будто сама земля надела старинную шубу, расшитую морозными узорами. Замерли деревья, убаюканные холодом.

В такие вечера любила Забава сидеть у печи. Наливала она тёплый чай с травами, вдыхала запах сушёной мяты и ромашки.

Но однажды ночью случилось чудо.

Раздался звон — хрустальный, чистый, словно уронил кто-то на пол стеклянный колокольчик. Подошла Забава к окну и увидела, что прямо у порога в мягкий снег вмёрз небесный гвоздь, маленькая ледяная звезда, сорвавшаяся с неба.

Принесла она с собой странный холод, да не тот, что щиплет щёки, а тот, что вытягивает из снов все краски. Заметила Забава, что нити её, всегда мягкие вдруг стали твёрдыми и прозрачными, точно замёрзли изнутри. А сны, что готовила она для деревни, начали превращаться в крошечные льдинки.

В ту ночь снилась людям одна белая пустота. Просыпались они с чувством, точно поселился в сердце кусочек льда.

— Скверный гвоздь, — промурлыкала кошка-тьма, выходя из тени угла. Голос её был мягким, а сама она казалась особенно пушистой. — Морозит он самые добрые воспоми-

нания. Коли не согреть их, забудут люди, как улыбаться.

Знала Забава, что не поможет тут обычный огонь.

Пошла она в дом и принесла шерстяной платок. Толстый, мягкий, в который хотелось завернуться и не выпускать из объятий. Пах платок спокойствием и сказками. Накрыла Забава ледяную звезду, укутала её осторожно, словно замёрзшего птенца.

Сначала гвоздь вырваться пытался: летела из-под шерсти мелкая ледяная крошка, становился воздух колючим и злым. Но не убирала Забава платок. Гладила его ладонями да тихонько напевала простую песенку. Прижалась кошка-тьма к её ногам, отдавая своё мягкое, кошачье тепло.

Постепенно перестал лёд кусаться. Сгладились острые грани гвоздя, и стал он похож на прозрачный камешек, которому хотелось, чтобы его согрели.

Собрала Забава замёрзшие сны — маленькие прозрачные бусинки, разложила на мягком льняном полотенце у самой печи, где тепло было живым и ласковым. Взяла она каждую бусину, прижала к щеке, чтобы отдать ей чуточку своего тепла. Потом окунула их в тёплую воду с капелькой мёда.

Помогала и кошка-тьма: ложилась рядом, мягко дышала на сны. Когда все сны снова стали цветными, вышла Забава на порог и выпустила их в воздух. Поплыли бусинки, маленькими мыльными пузырями. Просачивались они сквозь ставни и тяжёлые занавески, касались подушек спящих людей.

И в тот же миг белая пустота в их головах сменялась живыми картинами. Чувствовал снова кто-то запах свежескошенного сена, кто-то слышал смех старого друга, а кто-то видел бесконечные поля золотой пшеницы.

Стояла Забава на крыльце, смотрела, как последние искорки растворяются в ночном воздухе. Чувствовала она, как внутри разливается тихая радость, такая, какая бывает, когда после долгого мороза впервые ощущаешь дыхание весны.

Опустила она взгляд на заснеженный порог. Ледяной гвоздь больше не пытался заморозить мир. Лежал он теперь в снегу маленькой прозрачной слезой, и тихонько мерцал, отражая лунный свет. Не был он больше опасным, а стал частью зимнего леса.

Вернулась Забава в избу, положила оттаявший гвоздь-звезду на подоконник рядом с еловой веточкой. Уютно потрескивала печь, разбрасывая по стенам золотистые блики. Запрыгнула кошка-тьма на лавку и принялась умываться, медленно да старательно вылизывая чёрную шёрстку, знала она, что восстановлен порядок в мире и можно спокойно погрузиться в сон.

Села Забава к столу, налила в чашку чай. Слушала, как за окном снова завыл ветер. Но теперь этот звук не пугал, звучал он как колыбельная, которую зима поёт спящему лесу.

Сон для создания тьмы

В зимнем лесу бывают ночи, когда луна совсем тонкая, а звёзды светят тихо боясь спугнуть покой. В такие дни к Забаве обычно никто не заходит, ибо лес сам по себе шепчет свои старые сказки. Сказывали в деревнях дальних, что где прядильщица живёт, там и ночь мягче, и сны добрые приходят, а сама тьма кошкой ласковой оборачивается.

Но однажды услышала Забава у двери странное шуршание, словно кто-то осторожно пытается пробраться внутрь избушки, не потревожив ни пылинки. Прислушалась она, и поняла, что не зверь это и не человек.

Открыла Забава дверь да замерла на миг. Стояло на пороге маленькое создание из чистой тени. Походило оно на плотное чёрное облачко, только с двумя большими фиолетовыми глазами, в которых дрожал робкий свет луны.

— Заходи, — молвила Забава, — у меня как раз чай готов, и печка ещё тепло держит.

Проскользнуло создание тьмы в избу тихонько, едва касаясь пола. Пахло от него мхом и мокрыми камнями. Запахом самой глубокой тени, где почти не бывает луча солнца. Не умело оно разговаривать, но чувствовала Забава, о чём оно думает. Плыли мысли гостя плыли по воздуху грозовой тучей, и складывались в одну-единственную просьбу об отдыхе.

Узнала Забава эту тоску.

— Ты хочешь сон увидеть, — сказала она.

Сжалось в комочек создание тьмы на полу, у печки, хотело стать незаметным, спрятаться от собственной просьбы.

Задумалась Забава. Никогда раньше не плела она сны для тех, кто сам сделан из тени. Достала она нить глубокого тёмно-синего цвета, мягкую да тёплую.

— Садись на лавку, — предложила Забава, показывая на уютное местечко у печи.

Устроилось создание на лавке, прижалось к печному боку, но всё ещё дрожало от непривычной надежды, как будто не верило, что ему и правда позволят сон увидеть.

Начала Забава плести. Вплела она ощущение тяжёлого, тёплого одеяла и сплела глубокий, спокойный сон. Осторожно накинула она этот сон-одеяло на создание тьмы.

Вздрогнуло то сначала, ибо никогда не чувствовало оно, чтобы что-то так мягко обнимало его. Начали медленно закрываться фиолетовые глаза. Впервые почувствовало создание лёгкость и покой. Тихонько вздохнуло оно и, сжавшись наконец-то уснуло.

Сидела Забава рядом и улыбалась. Видела она, как уходит из него та тоскливая усталость, от которой оно пряталось в кустах и смотрело на чужие сны. Теперь не завидовало оно людям.

Не зажигала Забава лишних свечей весь вечер, чтобы не тревожить гостя. Пила она свой чай и смотрела, как в печи

догорают дрова, рассыпая по стенам золотые блики.

Проснулось существо вскоре и выглядело теперь иначе. Больше не было в его глазах той бесконечной усталости. Посмотрело оно на Забаву, тихонько потёрлось головой о её ладонь — совсем как кошка, — и, поблагодарив своим тихим молчанием, медленно поплыло к выходу. Уже не казалось оно потерянной частью ночи: в движениях появилась лёгкость, а фиолетовый свет в глазах стал мягче.

Проводила Забава его до двери. На лавке, где спало создание, остался маленький клочок тёмного пуха, переливающийся, как звёзды в небе. Бережно подняла его Забава и положила на подоконник к еловой веточке и упавшей звезде.

Вернулась она к остывающей печке, добавила дров. Спрыгнула с печи кошка-тьма и с громким мурчанием подошла к Забаве.

Темно было за окном, спал укрытый снегом лес.

Нить, что связала двоих

В деревне, что примыкала к лесу, жили кузнец Мирослав и травница Лукерья.

Знала Забава про них всё, видела, как сны их тянутся друг к другу, точно две ниточки, да всё никак не могут сойтись в крепкий узел. По утрам замечала она, как Мирослав будто хочет сказать что-то важное, да только слова тяжелеют в груди, становясь грубыми. А Лукерья всё прислушивалась к шагам на дороге, будто надеялась, что сегодня свернёт кузнец к её калитке, а не пройдёт мимо.

Была их любовь давней и привычной. Только оба были слишком напуганными. Обменивались они короткими словами о погоде да о об урожае, а потом расходились по домам.

— Пора им помочь, — сказала Забава, поглаживая кошку-тьму по мягкой, бархатной спинке. — А то так и будут всю жизнь про гвозди да про ромашку толковать.

Взяла Забава две нити. Одну — грубую медного цвета, пахнущую дымом и нагретым воздухом. Вторую — нежно-зелёную, с ароматом свежей травы и мёда, точно в ней хранился шёпот луговых цветов. Начала она переплетать их осторожно, чтобы не спугнуть волшебство. Создала Забава сон о бесконечном луге с высокой золотистой травой, по которой гулял тёплый ветер.

Когда деревня заснула, выпустила Забава два сплетённых

сна. Один нашёл Мирослава, другой — Лукерью. Оказались они на лугу одновременно. Но была в этом сне хитрая задумка: не видели они лиц друг друга, только силуэты, окутанные мягким золотистым светом.

— Здравствуй, — промолвил Мирослав.

— Здравствуй, — молвила Лукерья.

Пошли они по лугу не торопясь, говорили о вещах, о которых никогда не решались сказать наяву: о страхах, о звёздах, что держут небо, о том, как бывает одиноко. Без имён и лиц, только по голосу и по тому, как отзывается сердце, поняли они вдруг, что говорят их души на одном языке.

Остановились они, Мирослав осторожно взял Лукерью за руку.

— Я чувствую, что знаю тебя всю жизнь, — прошептал он.

Прижалась Лукерья к его плечу. Стали они в этом сне честными да открытыми друг другу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.